

Ландыш Ландыш

Школа Охотников. Девочка с того берега

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Ландыш Ландыш

**Школа Охотников.
Девочка с того берега**

«Автор»

2026

Ландыш Л.

Школа Охотников. Девочка с того берега / Л. Ландыш —
«Автор», 2026

Веками, в школе на границе миров, воспитывались потомки богатырей, чтобы охранять и защищать мир от нечисти. И уже не было живых свидетелей, которые знали бы, что находится на другом берегу огненной реки Смородины. Но однажды, на Калиновом мосту появилась босоногая шестилетняя девочка. Девочка загадка, девочка из мира нечисти, которая пришла учиться их истреблять. Уже сформированной боевой команде выпускников, пришлось взять девочку в свою команду

© Ландыш Л., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Начало	5
Глава 1. Письмо Деи, первое.	10
Глава 2 Оборотень.	11
Глава 3 Письмо Деи.	14
Глава 4 Пиковая дама.	15
Глава 5 Письмо Деи.	18
Глава 6 Вурдалак.	19
Глава 7 Письмо Деи.	22
Глава 8 Кошей Не Бессмертный.	23
Глава 9 Письмо Деи.	25
Глава 10 Дивы.	27
Глава 11 Письмо Деи.	32
Глава 12 Перекресток.	33
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Ландыш Ландыш

Школа Охотников. Девочка с того берега

Начало

В этом мире всё держится на тишине и памяти.

Стеклянные небоскрёбы нашего времени отражают равнодушное солнце, а где-то за гранью, в тонком шве между явью и сказкой, лежит иной мир. Магмир. Сотканный из древней силы, он дышит сквозь трещины бытия. Его сердце — Златогор, город, чьё имя звучит оберегом: золото куполов, гордые башни из светлого камня, воздух, пропитанный колдовством. Здесь магия — не чудо, а ремесло, её пьют с молоком, ею крестят дома, ею лечат раны. Здесь свободно колдуют.

Современный мир заснул в своём неведении. Он не знает, что по его улицам ходят те, кто родился под иным небом. Ворота между мирами — как выдох — открываются в безлюдных переулках, в туманное утро, в час, когда гаснут фонари. Потому в Златогорье есть всё: телефоны, поезда, бронированные автомобили. Техника здесь — лишь удобство, не больше.

Но есть и деревни. Там, где трава выше колена, а звёзды ближе, чем кажется, живут иначе. Лавровый дух печей, плетёные заборы, имена, уходящие корнями в прашуров. Местные не любят железа и пластика, предпочитают живую руку и шёпот трав. Но техника не под запретом — просто чужда.

И есть третий мир. Никто не знает, что там. Только река Смородина отделяет его от всего живого. Вода в ней багровая, волны танцуют всполохами огня. Через реку — Калинов мост. Он стоит, крепкий, сложенный из векового камня, но прохода по нему нет. Он смотрит в никуда, и с той стороны никогда никто не приходил.

А ещё есть Школа. Здесь учатся потомки богатырей. Мальчишки и девчонки, которые семилетними впервые берут в руки заговорённый клинок, а в восемнадцать — выходят на свой первый бой. С первого класса до выпуска они зубрят не только заклинания, но и историю нечисти, карты обходов, тактику засад. Школа — это дом на границе тьмы, где каждый урок самый важный и трудный, но никто не плачет. Потому что они — наследники силы, той самой, что веками хранила оба мира.

Мы сидели на крыше башни. Был конец обучения в школе: все экзамены сданы, команды подобраны, и мы готовились отправиться в большой мир. Это было наше прощание. Говорить не хотелось — у каждого в голове роились свои мысли, каждому было что вспомнить. Десять лет жизни — это не шутки.

С крыши открывался потрясающий вид. Весна. Холмы в свежей зелени, цветёт черёмуха и сирень, разноцветными пятнами разбросаны нежные одуванчики. И огненная река — как граница всего живого: всполохи рыжего пламени на поверхности ярко-красной воды, мёртвое как контраст всему живому и цветущему. Мы пили трофейное шампанское, прощаясь с детством, встречая новую, взрослую жизнь.

Всё началось задолго до этого вечера. Наш первый общий проект в Академии назывался «Экосистема Заболоченного Лабиринта». Преподы говорили: «Изучите, составьте карту, оцените угрозы». Мы же превратили его в наше личное королевство.

Первый диалог, который я помню дословно, состоялся у входа в сырую тьму:

— Ну чего встал, Ивка? Боишься? Я первый! — Влад подтолкнул меня в спину, но несильно.

— Статистика показывает, что первыми в неразведанную зону входят либо самые сильные, либо самые глупые особи. В нашем случае это, вероятно, совпадение, — монотонно произнёс Марк, глядя на планшет.

Я уклонился от толчка и присел у земли. Вокруг повисла тишина, слышны были только капли.

— Пойдите. Слышите? — спросил я.

— Чего слышать? — переспросил Влад.

— Не капли. Там... шуршит. И скребётся. Мелко-мелко. Как будто рисует.

Маша вдруг присела рядом со мной, её плечо почти коснулось моего. Она смотрела не на темноту, а на сырую землю у наших ног:

— Он прав. Это *Scratcher minog* — болотный червь-картограф. Он оставляет на камнях следы, содержащие информацию о минеральном составе. По его маршруту можно найти сухие островки.

Она посмотрела на меня. Не на Марка с его статистикой, не на Влада с его силой. На меня.

— Хороший слух, Ивор.

В тот момент я понял, что мы — одна команда. Влад — наш меч и щит, Марк — наш архив и прогноз, Маша — наш проводник в тайны мира. А я... я был их чувствилищем. Их периферийным зрением, их ухом, улавливающим то, что другие пропускают.

Наша первая совместная победа была нелепой.

Мы наткнулись на «Хранителя Гнили» — аморфную, вонючую тварь, которая блокировала проход. Влад уже размахнулся своей дубиной-фонарём.

— Удар по центру массы вызовет разбрызгивание едкого вещества с вероятностью 94%, — предупредил Марк.

— Его структура коллоидная. Нужен коагулянт, — добавила Маша.

А я увидел, как по потолку, прямо над тварью, ползёт упитанный слизень-альбинос, готовый сорваться. И мне в голову пришла идея настолько глупая, что она могла быть только гениальной.

— Влад! Не бей! Кричи! Громко! Прямо на него! — скомандовал я.

Влад, не поняв, но доверяя, сделал вдох полной грудью и издал рёв, от которого задрожали стены. Слизень сорвался и плюхнулся напрямик на «Хранителя». Раздалось шипение. Тварь начала сжиматься, твердеть и на глазах превратилась в невкусно пахнущий, но безопасный комок.

— Ты... ты это заранее просчитал? — обернулся ко мне Влад, вытаращив глаза.

— Нет. Просто подумал... а что, если его напугать? — ответил я, внутри ликуя.

Марк быстро строчил в планшет: «Записать. Нестандартное тактическое решение с использованием внешних био-агентов. Эффективность — максимальная. Логика — отсутствует. Присвоить кодовое название „Метод Ивора“».

Маша улыбнулась. Она редко улыбалась тогда.

— Коагуляция страхом. Элегантно.

После того случая мы сдружились ещё крепче. Наша комната в общежитии стала святыней хаоса.

Однажды Влад притащил с утилизации старый, ржавый, заклеенный скотчем ящик с надписью «ОПАСНО. НЕ ВАШЕ».

— Нашёл! Секретное оружие! — заявил он.

Марк начал сканировать находку датчиками:

— Металл, следы органики... и странные колебания низкой частоты.

— Скотч медицинский, стерильный. Надпись сделана маркером из кабинета доктора Р. Это не оружие. Это чей-то... архив, — заключила Маша.

— Давайте откроем. А то умрём от любопытства. Хуже, чем от того, что внутри, — предложил я.

Мы вскрыли ящик. Внутри не было оружия. Там лежали детские рисунки, стихи, засушенный цветок, фотография улыбающейся женщины в халате и дневник бывшего ученика, который не выдержал давления и сбежал. Он писал о страхе, о тоске по дому, о том, как ему не хватало человеческого тепла.

Мы сидели в полной тишине, читая по очереди. Даже Влад притих. Это было наше первое столкновение не с монстрами, а с настоящей, взрослой, непарадной болью.

— Слабо... — хрипло сказал Влад.

— Мы не должны никому об этом говорить, — очень тихо произнесла Маша. — Это его тайна. Теперь и наша.

Мы перезахоронили ящик в самом дальнем углу нашей базы на крыше. Он стал нашим талисманом.

В ту же ночь, чтобы выплеснуть гнетущую тяжесть, началась Война Подушек.

Влад запустил свою огромную подушку, как ядро, в баррикаду из стульев, которую соорудил Марк.

— Тактический удар! — воскликнул Влад.

Марк, к нашему изумлению, не стал отсиживаться. Он скинул очки, и его лицо исказила редкая гримаса азарта. Он начал метать мелкие подушечки с дикой скоростью, целясь нам в ноги — в точки опоры.

— Дестабилизация! Дестабилизация! — кричал он.

Я использовал свою скорость. Я был тенью, материализующейся за спиной у Влада, чтобы дёрнуть его за штанину, или выхватывать из рук Марка «боеприпас» в момент замаха.

— Снайпер без патронов — как Марк без графиков! — смеялся я.

— Ив, я тебя сейчас как шлёпну! — грозился Влад.

И тут в комнату вошла Маша. Она осмотрела поле боя, баррикаду и замерших нас.

— Энергетический выброс подросткового адреналина. Интересно, — сказала она и плавным движением швырнула свою твёрдую подушечку для иголок. Она пролетела между мной и Владом и пригвоздила к стене бумажного дракона, попав ему прямо в открытую пасть.

Наступила тишина. Потом Влад разразился таким хохотом, что сел на пол. Марк с восторгом записывал данные, а я, смеясь, скатился со шкафа. С тех пор Маша была бесспорным чемпионом.

Годы пролетели незаметно. И вот мы сидим на крыше, допивая шампанское, вспоминая прошлое и глядя в будущее. В захмелевшей голове пронеслась мысль, что по Калинову мосту через реку Смородину кто-то идёт — что в принципе невозможно. Я отрешённо смотрел на мост, принимая это за галлюцинацию, но в какой-то момент чётко осознал: по мосту из мира мёртвых идёт маленькая девочка.

Я никогда в жизни так быстро не бегал, рискуя всем. Друзья отстали, я выскочил к мосту один и увидел её — девочку лет шести-семи с огромными зелёными глазами. Она шла босиком по раскалённому докрасна мосту, и сполохи огня не причиняли ей вреда. Я подхватил её на руки и понёс ко входу в школу.

— Привет, тебя как зовут? Я Дея. Бабушка сказала, что я буду учиться в школе. А ты тоже тут учишься? Ух ты, сколько людей, а я никогда не видела других людей, только я и бабушка, — малышка болтала без умолку, пока я нёс её через двор, чувствуя, как от её ладошек, прижатых к моей шее, исходит странное тепло.

Я не знал тогда, что эта встреча изменит всё. Что эта девочка, появившаяся из ниоткуда, навсегда перевернёт мою жизнь. Но в тот момент, глядя в её бездонные зелёные глаза, я чувствовал только одно: я должен её защитить. Даже если для этого придётся снова перейти Калинов мост.

Следующая наша встреча произошла в тот же день, в столовой.

В столовой всегда стоит шум: лёгкий гул голосов, шипение печей, лязганье тарелок и ложек. Но в этот раз всё изменилось. Едва я переступил порог, как понял: наступила резкая, неестественная тишина. Все взгляды были прикованы к одному месту.

Малышка Дея, уже переодетая в школьную форму, стояла с огромным подносом посреди зала и растерянно оглядывалась по сторонам. Все столы были заняты. Никто не приглашал её за свой столик. Её одноклассники ещё не прибыли на учёбу — на дворе весна, малышня заканчивает первый класс и давно сгруппировалась по интересам. А сама Дея... её появление на Калиновом мосту не внушало доверия. Здесь каждый с молоком матери впитал ненависть к нечисти, каждый готовился стать охотником на неё. А Дея пришла оттуда, откуда никто не возвращается.

Я тяжело вздохнул, подхватил её поднос и, возможно, слишком грубо дёрнул за руку, потащив за наш столик. Я был зол. На неё, на её бабушку, на директора. Ну не место ей здесь.

— Знакомьтесь, это Дея. А это Влад, Марк, Маша. А я Ивор, — процедил я сквозь зубы.

— Очень приятно познакомиться, юная леди, — Марк потрепал малышку по волосам.

Я почувствовал, как моя злость немного отступает. Дея, смущённо улыбаясь, уселась между ним и Машей и принялась за еду с таким аппетитом, будто не ела неделю, не обращая внимания на настороженные взгляды со всех сторон.

— А вы что изучаете? — спросила Дея, прожёвывая пирог.

— Много чего, — ответил Влад с ухмылкой. — Но самое главное — как защищать этот мир от нечисти. Например, от твоей бабушки.

Дея перестала жевать. В её глазах застыло недоумение, а потом — обида.

— Моя бабушка хорошая. Она меня любит.

— Может, и любит, — буркнул Влад. — Но что она делает на том берегу? Как вообще ты у неё оказалась? Ты же человек? Там люди не живут.

Я почувствовал, как внутри поднимается волна гнева. На Влада.

— Влад, заткнись, — сказал я, стараясь держать голос ровным.

Дея посмотрела на него с неожиданной для ребёнка решимостью:

— Я докажу, что я не такая. И что моя бабушка хорошая. Я буду учиться хорошо и стану лучшим охотником на нечисть.

Мы переглянулись. В словах девочки было что-то, отчего у меня неприятно засосало под ложечкой. Но спорить я не стал.

После обеда жизнь вошла в привычную колею. Точнее, почти вошла.

В последние недели я встречался с Алёнкой — первой красавицей школы. Русые кудри, огромные голубые глаза, длинные ноги. Умом она, правда, не отличалась, но меня это особенно не волновало. Я уже третью неделю водил её по кафешкам с вполне определённой целью. Её цель тоже была понятна: конец учёбы, скоро выходить во взрослую жизнь, а у меня уже готовая боевая команда. Попасть к нам — это как выиграть в лотерею. Только вот мы команда уже девять лет из десяти, и нам никто не нужен. Правда, Алёнке я этого, естественно, не говорил.

И вот, этим же вечером, эта чувственная красавица оказалась у меня в постели. Стон страсти, жар наших тел, тишина за окном — и вдруг скрип двери. И топот маленьких ножек.

— Ивор, можно я буду спать с тобой? Я бою-ю-юсь, там в шкафу кто-то есть, — мы едва успели укрыться одеялом.

Я выругался про себя. Дея стояла на пороге в ночнушке, сжимая в руках плюшевого зайца, и смотрела на меня огромными зелёными глазами, полными страха.

— Дея, давай ты сегодня поспишь одна, а завтра мы посмотрим твой шкаф. Я уверен, что там никого нет.

— Нет.

— Может, дежурного позвать?

— Нет. Он сказал, чтобы я не выдумывала.

— А может...

— Ну пожалуйста, пожалуйста, я буду тихо лежать, я не буду вам мешать, честно, честно. Я уже собирался отказать, но тут из-под одеяла раздался смешок.

— Хи-хи. Ивор, пусть ложится. Уснёт — и я уйду потихоньку, не буду вам мешать. Хи-хи, — Алёнку, кажется, эта ситуация забавляла.

Я выругался про себя. Абсурд до комизма. Посмотрел на Дею — в её глазах стоял такой неподдельный страх, что я не смог отказать.

— Ладно. Ложись с краю. Только тихо. И спи.

Дея тут же запрыгнула на кровать и забилась под одеяло, прижавшись к самому краю, словно боялась, что её прогонят. Алёнка захихикала и погладила её по голове.

— Ну, привет, юная леди, — сказала она. — А ты шустрая.

Дея молча смотрела на неё, а потом перевела взгляд на меня.

— Спокойной ночи, — прошептала она.

— Спокойной ночи, — ответил я, чувствуя себя полным идиотом.

Повисла неловкая тишина. Алёнка вздохнула, коснулась моей щеки и прошептала:

— Ну что... не судьба, наверное. Может, в другой раз?

Я вздохнул и кивнул. В этой ситуации ничего не получится.

— Прости. Я провожу тебя до комнаты.

Алёнка быстро оделась, бросила на Дею насмешливый взгляд и вышла. Я проводил её до дверей, извинился ещё раз и вернулся в комнату.

Дея лежала с краю кровати, натянув одеяло до самого носа. В темноте блестели только её глаза.

— Спи, — сказал я устало, ложась на другой край.

— А она твоя девушка? — тихо спросила Дея.

— Нет. Просто... знакомая.

— А почему она ушла?

— Потому что ты пришла, — ответил я честно.

Дея замолчала. А через минуту я услышал её тихий шёпот:

— Прости.

Я ничего не ответил. Просто закрыл глаза, чувствуя, как в комнате медленно остывает воздух, и думая о том, что эта девочка, появившаяся из ниоткуда, уже успела перевернуть мою жизнь с ног на голову. И, кажется, это только начало.

Вот и кончились школьные годы. Помнится, мы пришли сюда семилетними малышами. Сколько всяких глупостей видели стены этой школы. Мы первыми столкнулись с убыром, первыми нашли лаз в город.

Сегодня последняя ночь, выпускной бал. Мы с друзьями попали под начало «Министерства секретных дел». Позади официальная часть, в зале играет музыка, а здесь, на балконе, поют цикады. Я стоял один, охваченный щемящим чувством тоски, когда ко мне подошла Дея.

— Ивор.

— Что ты здесь делаешь? Тебе спать давно пора, — сказал я.

— Мне не спится.

— Почему? Я же всех нечистей выгнал из шкафа.

— Нет, мне просто не спится. А ты завтра уезжаешь, да?

— Да.

— Ивор... А можно я буду тебе писать?

— Можно. Я тебе завтра сам напишу, чтобы у тебя был мой адрес, ну и на маг-почту можешь писать. А теперь бегом спать. У тебя же есть мой номер телефона, пиши мне на ватсап, я всегда буду знать, как у тебя дела.

Глава 1. Письмо Деи, первое.

Здравствуй, Ивор.

Уже целый месяц я тут учусь! Это самая лучшая школа на свете. Тут не школа, а настоящий замок! Огромный-огромный, из серого камня, с такими высокими башнями, что до неба достают. В окнах цветные стёкла — как в сказке. Я живу прямо в нём! По ночам в коридорах горят не лампы, а шарики холодного огня, они летают в воздухе, и стены отбрасывают волшебные тени. Я иногда боюсь дышать, чтобы не спугнуть эту магию.

Учимся мы не простым вещам. Мы уже рисуем в воздухе светящиеся буквы — руны! Они шепчутся, когда их правильно нарисовать. А ещё у нас есть урок про старые-старые волшебные договоры. Я всё записываю в свою новую тетрадь с драконом на обложке.

Но... у меня тут беда. Со мной в комнате жила девочка Мира. Мы дружили: вместе смеялись над глупыми картинками в книжке про зелья, делились яблоками. А потом кто-то узнал, что я из... оттуда. От Калинова моста. И всё. Теперь Мира не хочет со мной разговаривать. На обеде она садится далеко-далеко. Когда я вхожу в столовую, все сразу затихают и смотрят. Как будто я привидение.

Поэтому я убегаю на Русалочье озеро. Оно тёплое и зелёное, как изумруд. Говорят, русалки там раньше жили, но теперь их нет. А жаль. Мне бы хоть с кем поговорить. Наверное, они правы, и мне тут не место. На физкультуре все такие сильные: метают тяжёлые диски, держат мечи. А я... я даже самый лёгкий диск не могу поднять. Только покачу его, как мячик. На что я такая годна?

Только наш, Илья Ильич, добрый ко мне. Он такой большой и важный, но всегда остановится, улыбнётся и скажет: «Терпение, птенчик. У каждого сила своя, и твоя ещё проснётся». После этого хочется верить, что так и будет.

А как твои дела на новой службе? Там, наверное, всё серьёзно и по-взрослому? Напиши мне, пожалуйста, если сможешь.

Крепко тебя обнимаю, Твоя Дея.

Глава 2 Оборотень.

Первое боевое задание, это как первый секс: страшно начать, страшно облажаться, но это пьянящее чувство силы и собственной важности не забудешь никогда.

Нашим крещением стал оборотень в приграничной деревушке в Глубинных Землях. Живописное местечко с покосившимися избами на берегу озера, вода в котором была такого неестественно голубого цвета, что хотелось проверить, не подкрашена ли. Идиллия, испорченная смертью. В каждое полнолуние — новый труп. Последней жертвой стал парень, которого выволокли из дома уже с разодранным горлом. Следы волочения, когти на спине. Через день — новое полнолуние.

Мы, дети своего века, знали прописную истину: оборотень боится серебра. Наш арсенал ломился от него: кинжалы, мачете, стволы с нарезкой под спецпатроны. Мы чувствовали себя непобедимыми, пока не начали изучать досье. Никакой системы. Жертвы — из разных концов деревни, разных возрастов и занятий. Никаких связей.

— То есть нам придётся патрулировать всю деревню вчетвером? — констатировал я очевидное. — Гениально.

Мы заняли пустующий дом — благодаря оборотню выбор был богатый. Весь день готовили оружие в гробовом молчании. Любые слова казались фальшью. Маша молча нарезала бутерброды. Я видел это же напряжение в их спинах, в том, как Влад с нервной одержимостью чистил уже сияющий клинок, как Марк пялился в планшет, ничего не видя. Мы боялись. И ждали этого момента с животным, щемящим нетерпением.

Ночь разделила нас на пары: я с Марком, Влад с Машей. Промежутки между домами казались черными дырами. Я вслушивался в каждый шорох, в каждый скрип дерева, пока не начал слышать биение собственного сердца в висках. Ночь выдалась тихой, мертвенно-тихой. А утром мы нашли нового покойника. Ещё один парень.

Очередной осмотр. Молодое лицо, искажённое ужасом. Горло — кровавое месиво, грудь — в следах от клыков. И опять — след волочения от порога до калитки.

— Он не заходит внутрь, — тихо сказала Маша, глядя на кровавую полосу. — Он ждёт их у порога. Или... выманивает.

У магазина два старика, похожих как братья-близнецы, спорили до хрипоты:

— Точно говорю, это Алексея сын!

— Да не, Алексея сын тут всю жизнь живёт, это Игнат, который в крайний дом въехал!

— Да ты што? Игнат-то первый и помер, упокой Господь его душу!

— Так уж и помер? А кол осиновый ему в сердце втыкали? А серебром проверяли? Вот те крест, это он по ночам колобродит!

— Так могила-то не раскопана!

— ...А может, лазейку какую нашёл?

— Да не, это Алексея сын!

Я подошёл.

— Добрый день. Расскажите подробнее про Алексея и Игната. И почему на них думаете?

Они уставились на меня. В их взглядах читалось вековое недоверие ко всему, что приезжает извне.

— А вы сами чьих будете?

— Из Министерства. Оборотня уничтожать...

Могила Игната на деревенском погосте была аккуратной, земля — плотной. — Не похоже, чтобы отсюда кто-то выбирался на прогулку, — Марк пошатал крест. — Копаем? — Пока подождём, — ответил я, хотя сам не знал, чего жду.

Обратно шли под багряным закатом, который в другой жизни показался бы нам прекрасным. Сейчас он напоминал только о крови, которая, возможно, прольётся снова. В желудке сосало от тяжёлого, неопределённого предчувствия.

Дом встретил нас сюрпризом. На столе — дымящиеся щи, жареная картошка, пироги и кувшин кваса.

— Маш, ты когда всё успела? — ахнул Влад.

— Не я, — коротко бросила Маша, уже проверяя еду портативным сканером.

— И что это значит? — я надломил пирожок, принялся есть. Пахло сдобой и детством. — Если через полчаса со мной ничего не случится — можете есть.

— Не надо ждать полчаса, хорошие пирожки, сдобные, — раздался из-за печи голос. — Разве ж гостей плохим угощением привечают?

Из-за печи вышел старичок ростом мне по пояс, в красной рубахе, с бородой, которая, казалось, подметала пол. Лапти, добрые морщинистые глаза.

— Домовой, что ли? — уточнил Влад, не опуская ствола.

— Он самый. Кузьмич, я. Простите, что вчера не встретил — у друга бядя, хозяина потерял, утешал. Возвращаюсь — а у меня тут гости. Наша деревня, видно, прогневила кого, раз такую напасть наслали. Ешьте, ешьте. Наливочки не желаете?

— Нельзя, дед, — с тоской вздохнул Влад. — На задании.

— В курсе, в курсе. Весь народ судачит — ведьмаки из самой Академии приехали.

Я подвинул ему стул.

— Расскажи, Кузьмич. С самого начала. Что видел, что судачат твои... коллеги.

Старик тяжело вздохнул.

— Игнат, Силантия сын, первым был. Это ещё когда ж было - снег лежал. Как положено, никто ничего не видел. Утром к старосте нашему Дмитричу прибежал Силантий, сына, говорит, зверь дикий прям на пороге дома загрыз. Я тоже ходил смотрел, у его все горло перегрызено, сразу понятно оборотень был, лежит на пороге, видать вышел ночью до ветру так его никто и не спохватился. Вдова егоная ревет, детки малые ревут.

— А почему на пороге-то?

Кузьмич задумался, будто впервые обратил на это внимание.

— Оборотень в дом не заходит. Значит, выманили. Или... сам вышел к знакомому.

Мы с Марком переглянулись.

— А Алексей?

— Который? Их тут... да он один, вроде. Из города вернулся, деду дом достался.

— Проверили его, — тихо сказала Маша. — Чист. И новых лиц в деревне нет. И никто надолго не уезжал.

Кузьмич развёл руками. — Все свои. И каждый домовой в курсе дел своего дома. Все молчат. Как воды в рот набрали.

Темнеет, спасибо Кузьмич, надо старосту предупредить, чтобы люди ночью на улицу не выходили. Дома он их не тронет.

— Терпеть что ли? Люди не домовые им нужду справлять надобно.

— Хотят - терпят, хотят - ведро ставят, да хоть под себя — все целее будут

— Ну да, ну да.

Эта ночь прошла спокойно, у нас остались одни сутки, чтобы найти оборотня, иначе придется задержаться здесь еще на месяц.

Утром прошлись по деревне, прислушиваясь, о чем люди говорят, пригляделись ко всем домам — ничего.

— Ну что, будем ловить на живца? — спросил я утром, ненавидя самую эту мысль.

Мои друзья молчали. Это был наш единственный шанс, и они это понимали...

Я стоял в темноте, нарочито громко позвякивая флягой у забора, изображая пьяного возвращающегося мужика. Сердце колотилось так, что, казалось, его слышно за версту. Я не слышал его приближения. Я чувствовал.

Сперва запах — тяжёлый, звериный, смесь псины, пота и чего-то медного. Потом — ощущение тяжелого, немигающего взгляда в спину. Я считал секунды, молясь, чтобы Маша и Влад заняли свои позиции, чтобы Марк не промахнулся. Страх был холодным и острым, как наш же серебряный клинок. Он обострял всё: слух, зрение, обоняние. Я слышал, как где-то далеко скрипит ставня.

Прыжок.

Он был стремителен и неотразим, как удар стихии. Но не на меня.

Раздался приглушённый выстрел Марка — хлопок, а не грохот. Вой, полный не столько боли, сколько ярости. Вспышка в темноте — Влад метнул нож. Ещё выстрел. Ещё вой, уже переходящий в сдавленный визг. Крик. Человеческий крик, полный ужаса и отчаяния. Потом — тишина, густая и звонкая, пахнувшая порохом и тёплой кровью.

Я выдохнул, поняв, что всё ещё стою. Жив. Потом бросился туда, откуда доносились звуки.

На земле, в луже, черневшей даже в этой темноте, лежали двое. Один — огромный, покрытый шерстью клубок мышц и когтей, который на глазах терял форму, костенел, скукоживался, превращаясь в человека. Рядом, хрипя и зажимая окровавленное плечо, корчился второй. Андрей. Сосед.

— Живой! — крикнула Маша, уже роясь в аптечке. — Артерия задета! Влад, жгут! Марк, сыворотку против ликантропии, быстро!

Мы действовали на автопилоте. Жгут. Укол. Давящая повязка. Пока мы боролись за жизнь одного, другой, Алексей, тот самый «возвращенец из города», уже был мёртв. Его пустое лицо смотрело в багровое небо. Взгляд, как сказал староста, и вправду был тяжёлым. Теперь — навсегда.

Андрея увезли в Министерство — наблюдать до следующего полнолуния. Тело Алексея забрала серая, неброская машина службы утилизации. Дело было закрыто. В деревне воцарился хрупкий, недоуменный покой.

Ночью, когда мы собирали вещи, из-за печи снова материализовался Кузьмич.

— Спасибо вам, — сказал он просто, без пафоса. — Уберегли.

— Без тебя не справились бы, дед, — ответил я, и это была не просто вежливость. Его информация о «пороге» была ключевой.

— Не скромничай, — улыбнулся он. — Вы всё сами. А я... так, подсказал малость.

Он помолчал, глядя на меня мудрыми, всё понимающими глазами.

— Первая охота. Первый убитый. И первые вопросы, от которых в груди тяжело. Это не пройдёт, сынок. Это с тобой теперь навсегда.

Он был прав. Пока машина увозила нас прочь от спящей деревни и тёмного озера, я смотрел в окно и думал не о победе, а о том человеке, который смотрел на меня с фотографии в личном деле Алексея. О его тяжёлом взгляде. И о том, что мы так и не узнали, кто и что выманивало тех парней на порог в полнолуние.

Первый оборотень был мёртв. Но первая тайна — только начиналась.

Глава 3 Письмо Деи.

Здравствуй Ивор.

Я понимаю, тебе некогда, поэтому ты не отвечаешь на мои письма. Я не в обиде.

В школе все как обычно, много задают. У нас появился новый предмет - травология, я учусь варить всякие защитные зелья, ну и лечебные тоже. Арина Владимировна постоянно мной недовольна и постоянно ругает, а я ее понять не могу, за что ругает? У нее ко мне, как это слово забыла, пред-взя-тое отношение. Да я привыкла, я здесь всем мешаю.

А ещё, хочу рассказать тебе свой секрет, только ты никому не говори. На русалочьем озере кто-то живёт. Правда - правда! Я знаю, русалок всех давно истребили, но может осталась одна, ма-а-ленькая, я бы с ней дружила.

Мы на той неделе ездили в Город, я раньше вообще никогда нигде не была, мы с бабулей вообще никуда не выходили, скучно было, Иногда к ней приходили друзья, но на людей они не похожи.

Так вот, Златогор. Он такой, ТАКОЙ! Я видела скоморохов! Акробаты так изящно ходили по канату! У них такие блестящие костюмы! Было весело!

Были конечно и грустные моменты, на ярмарке всего столько интересного! Все дети покупали мороженое, яблоки в карамели, леденцы, а у меня нет денег.

Леденцы такие красивые, и наверное, вкусные, они так блестят и переливаются на солнце. Я когда вырасту и начну работать, куплю себе много леденцов, разных! Обязательно!

А после ярмарки я точно решила, что если ведьмак из меня не получится, то я стану акробатом, верёвку натянула между деревьями и решила учиться ходить по канату.

Вот ты приедешь на каникулы и не узнаешь меня, я буду виртуозно ходить по канату, а потом уйду в цирк. У них весело, они все разные и никого не интересуется откуда ты пришел. Они как семья. Им все всегда рады, аплодируют, в каждом месте их ждут.

На этом все. До встречи, Дея.

Глава 4 Пиковая дама.

Санкт-Петербург. Двор-колодец с обшарпанными домами. Эти дома имеют свою душу, они живут. Я слышал их дыхание, чувствовал их мудрый, вековой взгляд. Потускневшие парадные, как состарившиеся дворецкие, встречали нас непередаваемыми ароматами жизни — смесью духов, цветов, морозного утра и чего-то личного, таинственного, чем может похвастаться только живой человек.

В огромной комнате под пятиметровыми потолками дети на полу смотрелись карикатурно, неестественно, как поломанные игрушки, собранные в кучу посреди зала. Пятеро. От шестнадцати, наверное. На белой простыне, в заломанных, нереальных позах. Глядя на них, сомнений не оставалось — они мертвы. Живые так лежать не могут.

Марк подошел и, без эмоций, проверил пульс у ближайшего. Его движения были точными, механическими. — Обстановка соответствует стандартной подростковой глупости. Белая простыня, зеркало, свеча, дама пик из колоды. Ритуальный набор для вызова.

— Так зачем мы тут? — Маша резко обернулась, ее голос был сдавлен от гнева.

— Констатируем очевидное? Полиция и так разберется.

— Чтобы замести следы, — отозвался я, окидывая комнату холодным взглядом.

— Сделать всё максимально обыденным до приезда полиции. Убираем атрибутику, раскладываем карты, как после игры. Включаем газ.

— Не надо... включать газ.

Это был не голос, а полухрип-полушепот. Со стороны кресла, на котором, как казалось, лежала груда старого тряпья. Ворох зашевелился, и из него вылезла девочка. Подросток. Худенькая, с лицом, размазанным грязными слезами.

— Не надо... Она всё равно меня заберёт... — Она бессмысленно качалась, сидя на полу. — Мне никто не поможет.

Маша, не глядя на нас, достала шприц и сделала укол. Дрожь в теле девочки сменилась вялой расслабленностью. Медлить было нельзя. Мы забрали её с собой и отправились в наше съёмное жильё от Министерства. В машине её всё равно трясло, зубы выстукивали нервную дробь о стекло.

Дома, после стакана сладкого чая, мы попытались вытянуть из неё историю.

— Что там произошло? — спросил я. Жалости к этим детям я не испытывал — сами полезли. Но был холодный, почти профессиональный интерес, и чувство досады за напрасно потраченные жизни.

— Слушай сюда. Если будешь молчать, сегодня ночью ты присоединишься к своим подружкам. Это твой выбор? Я встряхнул её за плечи. Она безвольно болталась, как тряпичная кукла.

— Ивор, отойди! — Маша грубо оттеснила меня, встав между нами. Её голос смягчился, обращаясь к девочке. — Я — Маша. Это Ивор, Влад и Марк. Тебя как зовут?

— Лена... — Лена, ты должна рассказать нам всё. Это единственный шанс тебе помочь.

— На, выпей, — Влад подал ей чашку с дымящимся травяным отваром. Его тон был спокоен и ободрителен. Я лишь поднял бровь — его методы часто были слишком... деликатны для подобных ситуаций.

— Мы... мы вызвали Пиковую Даму...

— С какой целью? — тут же вклинился Марк, не отрывая аналитического взгляда от её лица. — Просто... из любопытства! Разве кто-то на самом деле верит? Все делают это ради прикола, чтобы потом пугать, друг друга...

— А теперь веришь?

— Да... — Ивор, замолчи, — рявкнула Маша. — Продолжай, Лена.

— Мы нашли ритуал в интернете... их там много разных. Они что, все... настоящие?

— Хочешь, проверим ещё один? — не удержался я.

— Заткнись! — Машка шлёпнула меня по затылку.

— Не обращай на него внимания. Рассказывай.

— Не знаю, что рассказывать... Мы всё сделали: на зеркале нарисовали лестницу, сказали слова...

— Какие именно слова? — перебил Марк.

— «Пиковая Дама, приди...» — прошептала она.

— И что было дальше?

— Мы смотрели в зеркало... Я ничего не видела. Но другие девочки... они видели. Потом они начали шептать, что она приближается... Я думала, они шутят. Погасла свеча... и всё. Я очнулась утром, а они... — Голос Лены сорвался. — И был холод. Страшный холод. Будто лёд внутри.

— Холод возник до или после того, как погасла свеча? — уточнил Марк.

— После. Сразу после. Потом... темнота.

— Ты наблюдала процесс их смерти? — спросил я прямо, следя за малейшей реакцией. Она лишь мотала головой, зажмуриваясь.

— Нет. Ничего. Только холод и темноту.

— Слушай меня, Лена, — Маша крепко взяла её за руки, заставляя смотреть на себя. — Пиковая Дама — сущность, питающаяся страхом. Твой страх — её пища и её дорога назад. Ты должна взять себя в руки.

— Что мне делать? — Мы перекроем ей путь. Уничтожим точку входа, — сказал Влад, уже собирая свою сумку. — То зеркало.

— Лена остаётся здесь под охраной, — распорядился я. — Маш, ты отвечаешь за неё. Марк, поставь по периметру базовую защиту, проверь все протоколы изоляции. — Уже делаю, — Марк молча возился с компактным набором рун и датчиков, раскладывая их с холодной эффективностью.

— Никаких спонтанных контактов с внешним миром на ближайшие двенадцать часов.

— Тогда мы движемся. Чем меньше времени у этой твари, тем лучше, — кивнул я. — Марк, подними всё, что Архив имеет по Пиковой Даме в этом районе. Все легенды, все задокументированные инциденты.

— Свяжусь с Министерством, — отозвался Марк, не отрываясь от своего планшета.

Пока мы ехали, Марк работал. Его пальцы летали по клавиатуре, глаза бегали по строчкам на экране. Он не говорил лишних слов, лишь изредка делал лаконичные пометки.

— База данных по городскому фольклору и аномалиям, — наконец проговорил он. — Отфильтровал по локации и ключевым признакам. Есть несколько записей XIX века о «проклятой графине» и её зеркале в районе Литейного. Основная масса — слухи. Но три случая совпадают с описанием: смерть подростков в комнате с зеркалом, признаки резкого переохлаждения при нормальной температуре. Интервал — примерно каждые двадцать-тридцать лет.

— Звучит как цикличная активность, — пробормотал я.

— Именно. Последний зафиксированный случай — 1998 год. Компания студентов. Пятеро погибших, одна выжившая, сошла с ума. В её бреду постоянно фигурировали «холодная леди» и «лестница в зеркале». Адрес... — Марк повернул экран ко мне. — Тот же дом. Квартира на третьем этаже.

— Значит, эпицентр там. Едем по адресу.

Особняк встретил нас обшарпанным фасадом. Былая роскошь проглядывала сквозь облупившуюся краску и трещины. Парадные двери с коваными узорами давно заменили на убогую конструкцию, обитую дерматином.

— Коммуналка, — констатировал Марк, оценивающим взглядом окидывая подъезд. — С чего начнем?

— С информации на месте. Ищем старожилов, — ответил я, толкая дверь. Начался обход квартир. Люди не любили вопросы. Сработал только прагматичный подход.

— Графиня? — старая женщина, представившаяся бабой Зиной, хрипло рассмеялась. — Это ж бабушкины сказки. Зеркало у неё, слышь, волшебное было. Только радости от него никому не было, одна погибель.

— Где оно стояло? — спросил я, делая вид, что просто любопытствую.

— В дальнем покое. Теперь там чуланчик, перегородку сляпали. А раньше зал балльный был. Мы попросили показать. Баба Зина долго крестилась и бормотала о нечисти, но предложение помочь с ремонтом протекающей крыши перевесило суеверный страх.

Комната оказалась крошечной, заставленной хламом. Но воздух в ней был другим — тяжёлым, густым, давящим на виски. Тишина здесь была звонкой.

— Повышенный электромагнитный фон, — тихо сообщил Марк, глядя на показание портативного сканера в его руке. — И резкий перепад температуры. Здесь на шесть градусов холоднее, чем в коридоре.

И вдруг свет словно сгустился, стал тягучим. Не просто темно — сама тьма обрела плотность и враждебность. В пыльном зеркале на стене поплыли разводы, сложившиеся в искажённое лицо. Искажённое ненавистью.

— Вы полагаете, что можете бросить мне вызов? — голос скрежетал в самой голове, минуя уши. — Я — вечный ужас. Я — сама тень.

— Мы не боимся теней, — ответил я, ледяная ясность заполнила разум. В руке уже был серебряный клинок, заговорённый для подобных встреч. — Мы пришли стереть тебя.

— Вы сгорите в своем дерзновении! В комнату ударил волной пронизывающего, костного холода. Я почувствовал, как когтистая чужая воля пытается вцепиться в сознание, вытравить свет. Я отшвырнул её жгучим усилием воли, сконцентрировавшись на ледяной тяжести оружия. Это был не бой тел, а битва намерений. И я нанёс удар. Не в стекло. В суть, в ядро легенды, туда, где должна была биться её искажённая псевдожизнь. Ослепительная вспышка резанула по глазам. Немой, но оглушительный визг, разрывающий ткань реальности, отозвался в костях. И тишина. Зеркало рассыпалось мелкой, злой рябью осколков.

— Она... — прошепелта баба Зина из-за спины, — ...исчезла?

— Навсегда, — коротко бросил я, вытирая лезвие. Марк молча кивнул, показывая на сканер — показатели фона медленно, но неуклонно возвращались к норме.

Глава 5 Письмо Деи.

Здравствуй, Ивор!

Ох, как же быстро летит время! Кажется, только вчера я писала тебе прошлое письмо, а уже столько всего произошло!

В школе все по-прежнему, Арина Владимировна все так же ворчит.

А знаешь, что еще случилось? Я видела её! Русалку! Ну, или мне так показалось. В общем, я снова была на Русалочьем озере, сидела на берегу и болтала ногами в воде. И вдруг, из глубины, показалась чья-то голова! Волосы длинные, темные, глаза большие и испуганные. Она быстро нырнула обратно, а я даже не успела ничего сказать. Может, в следующий раз у меня получится с ней поговорить? Я ей принесу леденец, вдруг она их любит. Знаю, знаю Русалок больше не существует, но может хоть одна ма-а-ленькая осталась, я бы с ней играла.

А еще, я научилась делать сальто! Пока не очень хорошо, но зато уже не падаю каждый раз. Вчера я показывала его Криске, она очень испугалась, сказала, что ведьмам не пристало акробатикой заниматься. Но мне нравится! Я чувствую себя такой свободной, когда лечу в воздухе.

Учёба сложная, но кое-что даже получается. Самый смешной урок — Зельеварение. Ведёт его тётя Даша, но мы зовём её просто Даша-Пузырь. У неё волосы вечно дымятся разными цветами, а в карманах халата вечно что-то булькает. На прошлом уроке мы варили «Зелье тихого шёпота» — чтобы разговаривать шёпотом на большом расстоянии. У всех в колбах получалась прозрачная синяя жидкость. А у меня... моё зелье стало ярко-розовым и начало пускать мыльные пузыри, которые громко лопались! Все смеялись. Даша-Пузырь вздохнула, потрепала меня по голове и сказала: «Ну что ж, оригинально. Назовём его «Зелье весёлого конфузззения». У тебя свой почерк, птенчик». Мне было и смешно, и очень стыдно.

А самый важный урок — Основы Единоборств. Его ведёт самый лучший, Илья Ильич. Он такой огромный и важный, но говорит всегда тихо. Мы учимся не драться, а «чувствовать силу и направлять её». Все машут деревянными мечами, делают стойки. А я... Я не могу даже правильно меч удержать, он выскальзывает из рук. Илья Ильич подошёл ко мне, поставил передо мной не меч, а просто палку. «Сила, Дея, — сказал он, — она не в том, чтобы сломать. А в том, чтобы не сломаться. Попробуй просто отвести удар, почувствуй, куда он идёт». Я попробовала. Получилось один раз из десяти. Но он похвалил меня даже за этот один раз.

А потом... потом случилось самое страшное. После уроков Мира сказала, что забыла в классе Зельеварения свою любимую ручку и попросила меня зайти вместе с ней. Я обрадовалась, думала, она снова хочет дружить. Мы зашли, она взяла ручку... и вдруг выбежала и захлопнула дверь снаружи. Я слышала, как щёлкнул замок и как они все — Мира, Клим и другие — засмеялись и убежали. А я осталась одна. В классе уже стемнело. На полках стояли банки с чем-то непонятным, что шевелилось в темноте. В углу тикали часы, и каждый тик звучал, как шаги. Мне стало так страшно, что я даже плакать не могла, просто прижалась к холодной двери и сидела. Я просидела там, наверное, целую вечность, пока не пришла уборщица тётя Глаша и не открыла дверь. Она даже не удивилась, просто вздохнула: «Опять эти шалопаи... Иди, деточка, ужинать».

Я не пошла ужинать. Я прибежала сюда, на свою кровать, и теперь пишу тебе. Знаешь, Ивор, иногда мне кажется, что я — как то самое розовое зелье с пузырями. Ни на что не похожая, никуда не подходящая и только всех смешу.

Напиши мне, пожалуйста, хоть строчку. Мне очень нужно услышать, что где-то там, далеко, есть человек, для которого я не «та самая, с того берега».

Приезжай скорее на каникулы, я тебя научу ходить по канату!

До скорой встречи, Дея.

Глава 6 Вурдалак.

- Внимание! Всем агентам! Срочный вызов в Псковскую область, деревня Красные Горки. Предварительно – нападение неопознанного существа на местное население. Есть жертвы. Ивор, ты и Марк – выезжаете немедленно, Маша остается на подстраховке. Подробности – по прибытии.

Сообщение от координатора прозвучало сухо и тревожно, не предвещая ничего хорошего. Красные Горки... Глухомань, если верить карте. Даже мобильная связь там еле ловит, что уж говорить об интернете.

Мы с Марком собрались быстро. Такие вызовы не терпят промедления. По дороге, в стареньком внедорожнике, пытались хоть что-то выяснить. Звонок в местное отделение полиции ничего не дал – либо не хотели говорить, либо сами толком не знали, что происходит.

- Вурдалак, говоришь? – Марк нахмурил брови, изучая старинный бестиарий на планшете. Благо, успел закачать туда все необходимое. – Классика жанра. Но что он забыл в этих краях?

Я пожал плечами. Вурдалак – не самое редкое чудовище, конечно, но обычно они предпочитают места с более... насыщенной историей. Заброшенные кладбища, старые склепы, руины замков. Красные Горки – обычная деревня, ничем не примечательная.

Вурдалак (лат. *Vampirus vulgaris*) – оживший мертвец, питающийся кровью живых существ. Относится к нежити, обладает повышенной физической силой и регенерацией. Боится солнечного света, чеснока, серебра и святой воды. Уничтожается осиновым колом в сердце или сожжением. Опознать вурдалака можно по следующим признакам: бледная кожа, заостренные клыки, непереносимость солнечного света, отсутствие отражения в зеркале.

- Может, просто совпадение? Дикий зверь какой-нибудь? – предположил я, хотя сам в это не верил.

- Не думаю, – ответил Марк. – Слишком много жертв для зверя. И слишком специфические раны. По описанию – похоже на укусы.

Красные Горки встретили нас тишиной и опустевшими улицами только мрачные покосившиеся избы и непроглядный лес...

Тварь материализовалась из тьмы, будто её выплюнула сама ночь. Сначала волной накатил запах — сладковато-гнилостный, с примесью старой крови и сырой земли, тот самый, от которого сводит скулы и встаёт ком в горле. Затем в луче фонаря Марка замер силуэт. Вурдалак. Не разлагающаяся ходячая плоть, а нечто худое, поджарое и невероятно быстрое. Кожа, похожая на тусклый, испещренный трещинами пергамент, туго обтягивала каждый мускул и кость. Длинные, костлявые пальцы с когтями, черными как обсидиан, медленно сжимались и разжимались. Но главное — лицо. Ввалившиеся глазницы, в глубине которых тлели две желтые, немигающие точки. И рот — растянутый, безгубый разрез, полный длинных, тонких, крик-вых зубов-игл. Инструмент для одной цели.

Он не двигался. Он выслеживал. Его желтый взгляд скользнул по нам, оценивая, и замер на Маше. На живом, громком биении сердца под тонкой кожей её шеи.

Атака была мгновенной. Не плавный бросок, а серия дерганных, прерывистых скачков, от которых рябило в глазах. Марк вскинул свой компактный дробовик, но существо, изогнувшись, проскочило под стволом и костяной лапой с глухим стуком выбило оружие. Марка отшвырнуло на стену.

— Маша, отрыв! — крикнул я.

Она отступала, спина к грубой каменной кладке, её пальцы уже срывали кобуру. Из-за пазухи мелькнула короткоствольная «Вереск» с нарезным стволом под специальные патроны. Она вскинула его, мушка дрогнула, пытаясь поймать мельтешащую цель.

И в этот миг он сделал свой ход. Не удар, а стремительный, точный бросок питона. Он сбил ствол её пистолета в сторону, и тут же его костлявые руки, холодные и невероятно сильные, обхватили её, прижимая к себе. Голова с оскаленными иглами-зубами рванулась к её шее.

Раздался приглушенный хлопок. Маша успела выстрелить почти в упор. Серебряная пуля пробила ему плечо, и тварь взвыла — тонко, пронзительно, как рвущийся металл. Из раны повалил едкий серый дымок, пахнувший горелой кожей. Но боли, казалось, лишь подстегнули его ярость. Он вцепился в неё мертвой хваткой, и его зубы вонзились в её шею, чуть ниже линии челюсти.

Не крик. Короткий, захлебывающийся всхлип. Её глаза закатились, тело обмякло. А он... он пил. Слышен был мерзкий, булькающий звук, когда её кровь уходила по высохшему горлу. Цвет жизни стремительно покидал её лицо, оставляя восковую, смертельную бледность.

Вот тогда Влад пришел в движение. Не было никакого вопля. Была ледяная, сконцентрированная тишина, разорванная лишь лязгом металла. Он не бросился вперед с криком. Он сделал шаг, плавный и тяжелый, как движение ледника. Из-за спины, из специального крепления на разгрузке, его рука выдернула не клинок, а короткий, тяжелый, заостренный кол из старой, просоленной осины, обмотанный у рукояти кожей.

Вурдалак, почувстввав смертельную угрозу, оторвался от шеи Маши, его желтые глаза расширились. Он швырнул её бесформенное тело в сторону, и она грудно упала на каменный пол. Тварь приготовилась к прыжку.

Но Влад был уже здесь. Его атака не была яростным махом. Это был удар хирурга. Точный, экономичный, сокрушительный. Он парировал отчаянный взмах когтистой лапы предплечьем, сделал пол-шага внутрь и, используя всю массу своего тела, вогнал осиновый кол прямо в высохшую грудь твари, туда, где под тонкой кожей должно было тлеть её неживое сердце.

Раздался звук, похожий на хруст сухого прута и шипение раскаленного железа, опущенного в воду. Вурдалак застыл. Желтый свет в его глазницах вспыхнул и погас. Из раны вокруг осинового острия повалил густой, черный дым с тошнотворным запахом паленой плоти и серы. Тело начало не разлагаться, а будто обугливаться изнутри, оседая в кучку смрадного пепла.

Влад не смотрел на это. Он бросил кол, даже не выдернув его из рассыпающегося врага, и рухнул на колени рядом с Машей. На её шее зияли аккуратные, страшные дырочки, из которых сочилась алая нить. Она не двигалась.

— Маша, — его голос был не шепотом, а каким-то глухим выдохом, полным пустоты. Он схватил её, прижал к своей груди, пытаясь заткнуть раны пальцами, но кровь просачивалась сквозь них, окрашивая его руки. — Машенька... Нет. Нет. Ты же не можешь.

Он тряс её, совсем слабо, как будто пытаясь растормошить от глубокого сна. Потом прижал свою щеку к её ледяному лбу, его могучие плечи содрогнулись.

— Дыши, — прохрипел он, и это прозвучало как приказ вселенной. — Слышишь? Дыши. Я приказал.

Её ресницы дрогнули. Она сделала короткий, жадный и хриплый вдох, будто всплывая со дна. Глаза, мутные и невидящие, нашли его лицо.

— Влад... — её губы, бледные, почти белые, едва шевельнулись. — Шумно... у тебя... в груди...

Он закрыл глаза, и по его грязной, исцарапанной щеке скатилась тяжелая, ясная слеза. Он не стал её стирать.

— Молчу, — выдавил он, и его голос стал тихим, до неестественности мягким. Он сдернул с себя свой тяжелый камуфляжный бушлат, укутал её, застегивая молнию под самым подбородком, стараясь укрыть каждую пядь. Потом поймал её слабую, холодную руку и прижал её ладонь к своей щеке, к той самой мокрой полоске. Его огромная, мозолистая рука полностью покрыла её кисть, согревая. — Видишь? Тишина. Только дыши. Дыши для меня.

Марк, откашлявшись, уже полз к нам с аптечкой. Я выхватил гемостатическую губку и давил на раны, пока Марк готовил антисептик и пластырь. Мы работали молча, под тяжелым, немым взглядом Влада, который, не отпуская её руки, следил за каждым нашим движением, будто от этого зависела судьба миров.

Когда самое страшное было остановлено, и Маша, снова отключившись от боли и шока, задышала ровнее и глубже, Влад осторожно поднял её. Он держал её не как раненого товарища, а как нечто бесконечно драгоценное и хрупкое — одной рукой под плечи, другой под согнутые колени, прижимая к себе так, чтобы её голова лежала у него на груди, где это «шумное» сердце продолжало биться — мощно, тревожно, но уже не так отчаянно.

— Идём, — сказал он хрипло, не глядя на нас. И пошёл вперёд, неся свою ношу через развалины, не обращая внимания на хромоту и тёмные пятна, проступающие на его собственной одежде.

Глава 7 Письмо Деи.

Здравствуй, Ивор!

Ивор, ты не поверишь, что произошло вчера! Зима всё никак не хочет уходить, и сегодня за окном так много снежинок! Они падают-падают, прямо как перышки из той большой подушки, которую, кажется, кто-то порвал где-то высоко в небе. Я лежу в больничке, грею носик в одеяло и смотрю на это «пуховое» небо.

Знаешь, я тут поняла одну важную вещь: те злые мальчишки, что напустили на меня заклятие... они всё-таки не такие сильные, как мы! Я не плакала, честное слово! Только немножко испугалась, когда они подкрались, только чуть-чуть.

Я нарисовала для тебя целую пачку картинок! На них мы — ты, я и вся твоя команда — сражаемся с этими мальчишками-колдунами. На одной картинке Влад такой огромный, как гора, он закрывает нас своим щитом, а ты придумываешь хитрый план, чтобы их всех победить. А Марк рядом что-то важное записывает в планшет своего заклинания, чтобы оно точно сработало! И Маша там самая красивая, она пускает в небо серебряные искорки, от которых злые чары рассыпаются на маленькие блестки.

А я на рисунках не прячусь! Я ведь тоже учусь — скоро стану такой же смелой, как вы! И пусть приходят, если хотят, мы их всех прогоним.

Тётя Эллира говорит, что мне уже гораздо лучше, и скоро, наверное, разрешат сменить больничный халат на что-то другое. И еще... я всё еще мечтаю научиться ходить по канату, как те акробаты из Златогора.

Приезжай скорее! Здесь без тебя даже снежинки кажутся какими-то грустными, будто они тоже ждут, когда ты придешь и расскажешь что-нибудь интересное.

Твоя Дея.

Глава 8 Кощей Не Бессмертный.

Пыль дорог Магмира еще не осела на сапогах после оборотня, а нас уже ждало новое задание. Деревушка, затерянная в болотистой низине, словно нарочно спрятанная от посторонних глаз. Там, по слухам, пропадали девушки. Не просто убегали из дома – исчезали бесследно, будто их и не было. Местные перешептывались о Кощее Бессмертном, якобы видели худого лысого старика но эта версия казалась абсурдной.

- Кощей – это сказки для детей, — ворчал Макс, когда мы изучали дело. — Не верю я в Кощея, тем более в бессмертного. В него же иголкой попасть можно, как в воздушный шарик!

Марк, наш специалист по тактике и системному анализу, лишь молча склонился над спутниковыми снимками местности. Его пальцы летали по клавиатуре планшета, накладывая карту местности на геомагнитную сетку региона.

- Кощей это не детская сказка, это сущность, зло, которое является проводником и связным с миром смерти, по сути он и есть олицетворение смерти, твоя маленькая подружка должна о нем знать больше, Ивор — наконец произнес он, не отрывая взгляда от экрана. — Смотрите. Энергетический фон в эпицентре исчезновений... он не просто повышен. Он структурирован. Как будто кто-то регулярно черпает оттуда силу. Это не следствие, Ивор. Это источник. Это больше похоже на ритуал, чем на случайные нападения.

Его холодный, аналитический подход был глотком свежего воздуха после мистических домыслов. Но нам было приказано проверить все версии. Описание Кощея из старых хроник – худой, как скелет, с пронзительным взглядом и ледяным прикосновением – не давало покоя. Поиски острова Буяна превратились в настоящее паломничество по библиотекам и архивам Магмира. Влад, даже стал почти экспертом по древним языкам, расшифровывая руны. Марк же взялся за цифровые архивы и базы данных, сопоставляя мифологические описания Буяна с геолокационными данными о природных аномалиях по всему миру. Он создал алгоритм для поиска совпадений, отсекая 99% мусора, но и это не давало четкого ответа.

В деревне нас встретили настороженно. Пока мы пытались выведать что-то у жителей, Марк незаметно расставил по периметру несколько пассивных сенсоров.

- Если здесь есть что-то, что питается энергией, оно оставляет след, — объяснил он. — Радиочастотный, тепловой, даже резонансный. Мои «жучки» это поймают».

К сожалению, наши худшие опасения подтвердились, когда мы нашли тела девушек в пещере. И пока мы с Владом осматривали жуткую находку, Марк сканировал кристаллы, освещавшие склеп. Его портативный спектрометр пищал тревожно.

Именно он первым увидел момент, когда Влад бросился на защиту Маши, и рассчитал траекторию удара Кощея.

- Ивор, левый фланг! Он открыт на долю секунды! — но было уже поздно. Крик Маши разрезал воздух.

Марк не кричал. Он не рвался в атаку. Его лицо стало каменным. В его глазах, обычно таких сосредоточенных, мелькнуло нечто, похожее на сбой в программе — чистое, немое отчаяние. Он увидел не просто ранение товарища, а крах всей своей логической модели. Его расчеты, его алгоритмы, его сенсоры — все это было бессильно перед простым клинком в руках сказочного монстра. В тот миг он понял нашу обреченность раньше всех.

Именно его холодный, нечеловеческий разум первым принял единственно верное в тот момент решение. Пока я вытаскивал обезумевшего Влада из-под удара, Марк уже был рядом с Машей. Он наложил на рану геостазисный пластырь из своего аварийного набора, его движения были быстрыми и точными, но пальцы, затягивающие ремни импровизированных носилок, слегка дрожали.

- Бегство — не тактическое отступление, — сказал он нам сквозь стиснутые зубы, когда мы выносили Машу из пещеры. — Это сохранение ресурса для будущего контрнаступления. У нас недостаточно данных. Нам нужен новый алгоритм.

Но в его голосе не было привычной уверенности. Была лишь стальная решимость и та же грызущая всех нас вина, выраженная в терминах системного сбоя.

Провал стал для Марка вызовом его самой сути. Если логика и данные оказались бес- сильны против сказки, значит, нужно было найти логику внутри самой сказки. Пока Влад погружался в народные предания, Марк начал кросс-анализ. Он загрузил в свою систему все доступные упоминания об острове Буяне, Алатырь-камне и связанных с ними феноменах. Затем он наложил эти данные на карты геомагнитных аномалий, зон с повышенной радиоак- тивностью, мест с необъяснимыми атмосферными явлениями по всей территории России.

- Миф — это закодированная информация, — твердил он. — Географические привязки в сказках редко бывают абсолютно случайными. Они часто указывают на места силы. Мы ищем место, где несколько аномальных параметров сходятся в одной точке.

Именно его алгоритм, отсеив сотни ложных совпадений, выдал перспективное совпаде- ние в районе озера Светлояр в Нижегородской области.

- Смотрите, — он показал нам на экран. — Аномальная геомагнитная активность, кор- релирующая с фольклорными упоминаниями о «звоне колоколов» и «призрачных огнях». Частота этих явлений, согласно местным легендам, возрастает в определенные лунные циклы. Это не совпадение. Это закономерность». Пока Машка собирала образцы «травы-разрыв», Марк брал пробы воды, воздуха, грунта, фиксируя малейшие отклонения от нормы. Его при- боры гудели, словно возбужденные.

На берегу озера, когда над водой поплыли призрачные огни, мы все замерли в изумле- нии. Только Марк продолжал работать. «Туман имеет неестественную плотность и коэффи- циент преломления, — бормотал он в свой диктофон. — Создает эффект линзы. Возможно, пространственная иллюзия. Пепел папоротника... вызывает кратковременную резонансную перестройку местного поля, создавая проходимый коридор». Он шел по тропинке позади всех, непрерывно снимая показания. Для него остров Буян был не чудом, а сложнейшей физико- магической аномалией, которую следовало изучить.

Когда мы подошли к дубу и Алатырь-камню, Марк первым провел рукой по коре, а затем прикоснулся к камню датчиками. «Энергетический выход колоссальный, — прошептал он. — И стабильный. Это не источник силы Кощея. Это... противоположное. Антитеза. Чистая, неиспорченная сила места». Он посмотрел на ларец, висевший на дубе, и кивнул Маше: «Тра- ектория ветра нулевая. Стреляй». Его расчет был точен.

Когда игла сломалась, и Кощей рассыпался прахом, Марк не закричал от победы. Он взял в руки осколки иглы и поместил их в стерильный контейнер. «Материал неизвестен. Требуется анализа, — констатировал он. Потом обвел взглядом остров, могучий дуб, сияющий камень. Его взгляд стал не аналитическим, а почти благоговейным. — Информационная ценность этого места превышает любой оперативный отчет. Его раскрытие приведет к загрязнению перемен- ными, которые мы не можем контролировать. Мой вывод: сохранение статус-кво является оптимальной стратегией».

Мы молча согласились. Марк, человек логики и данных, стал хранителем самой ирраци- ональной нашей тайны. Он не сказал об этом вслух, но мы знали: в его жестком диске теперь лежали не просто файлы, а цифровая карта чуда. И он защищал его с той же холодной тща- тельностью, с какой когда-то искал способ его уничтожить.

Глава 9 Письмо Деи.

Здравствуй, Ивор!

Мне все сложнее и сложнее находить поводы для радости в этих стенах. Знаешь, одноклассники... Они все так и сторонятся меня. Шепчутся за спиной, тычут пальцем. Иногда даже кажется, что я слышу, как они называют меня. Я стараюсь не обращать внимания, но это ранит. Особенно когда видишь, как другие девочки общаются, смеются вместе, делятся секретами. А я всегда одна. Как будто стеклянная стена отделяет меня от них.

Пару дней назад случилась неприятность. Я снова тренировалась ходить по канату, на этот раз у самого озера. Засмотрелась на отражение облаков в воде и... соскользнула. Упала прямо в озеро. Вода была ледяная, я от неожиданности даже вдохнула немного. Барахталась, пытаюсь выплыть, а на берегу все это время стояла группа девочек и смеялась. Никто не помог. Когда я, вся мокрая и дрожащая, выбралась на берег, они просто развернулись и ушли.

И да, в озере живет русалка, теперь я в этом уверена.

Я проснулась сегодня и даже не подошла к озеру. Я пошла на плац, где Илья Ильич обещал учить меня дышать. Он уже ждал, сидел на каменном парапете, смотрел на ворон, которые дрались за корку хлеба.

— Ну что, Дея, — сказал он, не оборачиваясь. — Пришла за воздухом? Дорогой товар, бережнее с ним надо.

Он повёл меня не в зал, а в самую старую часть академии — в зимний сад. Здесь было тепло, пахло землёй и мокрыми камнями, а в стеклянном потолке отражались облака. Посреди сада стоял странный камень — тёмный, гладкий и плоский, как стол. Ровно посередине него лежал один-единственный опавший лист. Жёлтый, почти прозрачный.

— Садись напротив, — велел Илья Ильич, усаживаясь на низкую скамью. — Смотри на лист. И дыши так, чтобы он не шелохнулся.

Я села. Расстояние было не больше двух шагов. Сначала я дышала, как всегда. Лист даже не дрогнул. Потом я дышала глубже — от движений моей груди по камню пробежала лёгкая дрожь, и край листа приподнялся, как крыло.

— Не грудью, — тихо сказал Илья Ильич. Его голос звучал тут, под стеклянным потолком, как шорох самого сада. — Дыши животом. Тише. Медленнее. Представь, что воздух — это вода. И ты пьёшь её через соломинку. По капле.

Я закрыла глаза. Попыталась. Это было очень сложно — думать сразу и про живот, и про соломинку, и про лист. В голову лезли картинки: вот они смеются на берегу, вот я падаю в ледяную воду, вот их спины, когда они уходят.

— Не борись с мыслями, — проговорил Илья Ильич. Как будто прочитал. — Они как вороны. Прилетели — и ладно. Посидели — улетят. Смотри сквозь них. На лист.

Я снова открыла глаза. Смотрела на жилки на жёлтом листе. Дышала. Сначала ничего. Потом... Потом стало тихо. Не снаружи — внутри. Шум в голове будто отступил куда-то далеко. И в этой тишине я увидела, как воздух, который я выдыхаю, мягко-мягко, как тёплый шёлк, обтекает лист, но не трогает его. Он лежал неподвижно. Совсем.

Мы просидели так, наверное, очень долго. Я даже не заметила, как Илья Ильич встал и начал поливать какие-то странные синие цветы в кадках.

— Достаточно, — сказал он наконец. — Запомнила это чувство? Когда внутри тишина, а снаружи мир остаётся на своём месте?

Я кивнула.

— Это и есть твой щит. Его не видно. Но он прочнее стали. Теперь иди. И если встретишь их — дыши. Как тут дышала. И смотри. Ты увидишь, что их смех не долетает до тебя. Он останется там, где и был. А ты будешь здесь.

Я вышла из зимнего сада. Во дворе как раз шли те самые девочки. Они увидели меня и перешёптываться начали. Одна даже пальцем показала.

Раньше у меня бы всё внутри сжалось, и я бы побежала. А сегодня я остановилась. Я встала и просто посмотрела на них. И стала дышать. Животом. Медленно. Как будто я всё ещё там, у камня, а передо мной не они, а тот жёлтый лист.

И знаешь, Ивор? Случилось странное. Их смех, их шепот... они вдруг стали... плоскими. Как картинка на стене. Громкой, но не настоящей. Они что-то крикнули мне вдогонку, но я даже не разобрала слов. Я просто повернулась и пошла своей дорогой. И не бежала. Шла.

У меня не появилось друзей. Стеклопанная стена ннкуда не делась. Но сегодня я поняла одну вещь. Если нельзя пройти сквозь стену, можно научиться не биться об неё головой. Можно просто стоять по свою сторону. И дышать. И смотреть на облака в стекле. Они тоже очень красивые.

Спасибо, что ты есть, Ивор.

Твоя Дея.

Глава 10 Дивы.

Уральские горы встретили нас неприветливо. Серые скалы, пронизывающий ветер и давящая тишина, нарушаемая лишь криками редких птиц. В ближайшем поселении, где свирепствовала болезнь, нас встретили настороженно. Люди были напуганы и недоверчивы, но нужда заставила их рассказать о странных событиях, предшествовавших эпидемии.

Интернета здесь не было, но в голове, как птица в клетке билась мысль:

Дивьи люди – в бестиарии говорилось, о полулюдях с одним глазом, одной ногой и одной рукой, которые живут где-то на краю света и плодятся искусственно, выковывая себе подобных из железа. Дым их кузниц несет с собой мор, оспу и лихорадки. Неужели это они, Дивьи люди?

Урал – это горный хребет, протянувшийся на тысячи километров, разделяющий две части света и объединяющий в себе бесчисленные сокровища: от драгоценных камней до бескрайних лесов.

Урал – это место, где прошлое встречается с настоящим, Это край, который никого не оставляет равнодушным и навсегда остается в памяти тех, кто хоть раз побывал здесь.

Я оглянулся, на горы вершины которых терялись где-то в облаках, создавая чувства полной изоляции от мира. Ну и чем не край света? Может действительно дивы? Да, занесла нелегкая.

- Эй, народ, привал! - крикнул Влад, останавливаясь у небольшой поляны. - Здесь есть речка, можно умыться и перекусить.

Мы с облегчением опустили на землю, разминая затекшие ноги. Машка достала из рюкзака сухари и вяленое мясо, Марк развел небольшой костер, а я принялся наполнять флягу водой из речки.

Вода была ледяной и кристально чистой, обжигая пальцы, наклонившись, я жадно пил, чувствуя, как живительная влага наполняет каждую клетку тела. Холод немного притупил тревожные мысли, но образ дивьих людей не отпускал.

После скудного перекуса мы двинулись дальше. Дорога становилась все более сложной, тропа петляла между огромными валунами, а крутые подъемы сменялись опасными спусками. Влад шел впереди, уверенно прокладывая путь. Машка и Марк, хоть и уставшие, старались не отставать. На их лицах читалось такое же напряжение, как и на моем.

К вечеру мы добрались до небольшой пещеры, в которой и решили заночевать. Влад развел костер, и вскоре по пещере разлилось тепло и уют. Мы достали спальники и устроились на ночлег. Разговоров почти не было, все были слишком утомлены. Лишь потрескивание костра нарушало тишину. В какой-то момент я проснулся от странного звука, доносившегося снаружи. Это был тихий, протяжный вой, похожий на плач. Я прислушался, но звук больше не повторялся. Может, это просто ветер, подумал я и снова попытался заснуть. Но тревога не отпускала, что-то не давало мне покоя.

Утром, когда взошло солнце, мы продолжили свой путь. Впереди нас ждали новые испытания и, возможно, разгадка тайны, окутавшей эти суровые края. Но я чувствовал, что нас ждет нечто большее, чем просто эпидемия. Что-то древнее и зловещее пробудилось в этих горах, и нам предстояло столкнуться с этим лицом к лицу.

Лес становился все гуще и мрачнее, солнце едва пробивалось сквозь плотные кроны деревьев. В воздухе висела какая-то гнетущая тишина, нарушаемая лишь редким карканьем ворон. Влад, как всегда, молча шел впереди, его лицо было непроницаемым.

Неожиданно перед нами выросла абсолютно гладкая и прямая скала, вершина которой терялась где-то в горах. Ровная, как стена здания, она поражала наше воображение своей неестественностью. Несмотря на ее размеры, ее не было видно, пока мы чуть ли не лбами в нее не уперлись, что тоже было странным.

– Надо взбираться, – Макс с какой-то обреченностью погладил камни. – Как? Какие предложения? – Машка жестом показала куда-то вверх, очевидно имея в виду, что даже кошками здесь практически не зацепиться. – Не, ребят, мы здесь не поднимемся, может попробуем обойти? – я еще раз посмотрел наверх, словно надеясь, что горы вдруг станут ниже.

- Обойти... Звучит логично. Но с какой стороны? - Он медленно начал кружить вокруг основания, изучая камень. Наш остаток группы молча наблюдал.

Вскоре Макс остановился и указал рукой на небольшое углубление в скале, похожее на расщелину, невидимую из центральной точки.

Мы решили пройтись вдоль, может, где-то будет более удобный подъем наверх, хотя если это действительно дивьи люди, то на удобство рассчитывать не приходится.

– Ребят, а если действительно дивы, то что мы с ними будем делать? – спросил Влад. – Убьем? – Машенька, как? И они сами по себе безобидные, значит еще и зачем?

– Давайте обсудим это во время перевала, – я окинул друзей взглядом. – Вы мешаете.

Макс первым отвел взгляд от монолитной скалы, его глаза привычно начали выискивать хоть какой-то след, обходной путь.

- Здесь! Это не путь наверх, но похоже на проход внутрь.

Подойдя ближе, мы увидели узкий, почти вертикальный проход, ведущий внутрь скалы. Свет в него не попадал, и оттуда тянулся странный запах – смесь сырости, металла и... дыма? Очень слабый, но отчетливый запах дымного угля.

Влад первым протиснулся внутрь, его фонарь выхватил из темноты гладкие, почти полированные стенки прохода.

-Это не природное образование. Это... вырезано.- Его голос, обычно уверенный, звучал приглушенно.

Мы последовали за ним, протискиваясь один за другим. Проход был коротким, но за ним открывалось нечто неожиданное: не природная пещера, а коридор. Прямые стены, правильный свод потолка, словно мы оказались внутри искусственного сооружения, вросшего или скрытого в скале. На стенах виднелись следы каких-то насечек – не письма, скорее технические отметки или борозды, как от инструментов.

- Кузница... – тихо произнесла Машка, и мы все почувствовали тот же вывод. Запах металла и дыма здесь был сильнее.

Дальше коридор расширялся, превращаясь в помещение. В центре стояло нечто похожее на огромную плавленную печь, теперь холодную и бездействующую. Вокруг лежали инструменты – молоты, зубила, формы для литья, но всё было сделано из камня и какого-то темного, не похожего на обычное железо металла. Ничего не двигалось, никаких следов свежей работы.

Но на дальней стене мы увидели самое странное. Не рисунки, не письма, а ряды... ниш. В каждой нише стояло что-то вроде статуи, но это были не статуи. Это были фигуры, грубо выкованные из того же темного металла. Каждая имела одну опорную "ногу", одну "руку" и лишь одну выпуклость на месте головы, похожую на глаз. Они были разных размеров, от человеческого роста до совсем небольших, словно незаконченные или предназначенные для разных целей. Одна из фигур в дальнем ряду была разломанной, словно после неудачной попытки движения или пробуждения.

- Дивы... Их кузница, или... цех, – прошептал я. Бестиарий не ошибался в описании, но не передавал этого гнетущего ощущения безжизненного ожидания. Эти фигуры не были мертвыми – они были спящими, замороженными в металле, и их ряды напоминали арсенал или склад, ожидающий команды.

Влад подошел к одной из ближайших фигур, осторожно касаясь ее поверхности:

- Камень,... но внутри что-то другое. И холодное. Не как металл, а как... лёд или пустота.

Машка вдруг вздрогнула и указала на дальний угол помещения. Там, в тени, стояла не фигура, а конструкция вроде алтаря или стола, на котором лежали несколько предметов.

Мы приблизились. Это были не инструменты, а изделия: небольшие металлические шары с шипами, пластины с насечками, и... что-то похожее на сосуды.

Макс взял один из шаров, повертел в руках.

- Это... не просто металл. Это что-то типа контейнера. И шипы – они не для удержания, они... для выхода содержимого? Его лицо стало мрачным. Он вспомнил рассказы о болезни, о морах и лихорадках.

Я поднял одну из пластин, на ней были мелкие, почти неразличимые отметки, похожие на карту или схему. Но схему чего? Распространения? Заражения?

В этот момент со дна одного из сосудов Макс вытащил остатки вещества – пыль, странного серо-голубого цвета.

- Это не уголь. Это... похоже на минеральную пыль, но с примесью чего-то органического?

Он посмотрел на Влада:

- Мы должны связать это с эпидемией. Дым кузниц, мор... но кузница сейчас не работает. Так где же дым? И что пробудило болезнь сейчас?

Машка вдруг отшатнулась от стола, ее глаза были полны осознания.

- Это не просто кузница... Это лаборатория. Они не просто ковали себе подобных, ... они ковали болезнь. В металле, в этих предметах. Это носители.

Тишина в помещении стала еще плотнее. Мы стояли среди рядов спящих дивов, рядом с инструментами заразы, и понимали, что эпидемия в поселении могла быть не случайным мором, а пробуждением этого места, выходом старой "продукции" в мир.

Влад медленно оглядел помещение:

- Нам нужно найти источник сейчас. Если кузница не работает, то что выпустило это сейчас? Где дым? Где активность?

Макс указал на дальний проход, ведущий еще глубже, в другую часть скалы:

- Там. Дым и сейчас может идти не отсюда, а из другой части комплекса. Или... это не дым, а что-то иное.

Мы двинулись дальше, оставив холодную кузницу с её рядами спящих фигур. Но теперь каждый шаг был наполнен не просто тревогой, а пониманием масштаба открытого. Дивы были не просто легендой. Они были реальностью, и их работа — создание болезни в металлических формах — была лишь частью чего-то большего. Что-то пробудилось, и это пробуждение уже выпустило свою первую волну в ближайшее поселение. Нам предстояло найти не просто причину эпидемии, а сам источник пробуждения, и, возможно, остановить его до того, как ряды спящих фигур начнут двигаться.

Проход оказался узкой расщелиной, ведущей вниз. Воздух здесь был теплее и суше, а запах дыма — не древесного, а едкого, химического — становился ощутимым. Свет наших фонарей выхватывал со стен уже не борозды инструментов, а пятна странных наплывов, похожих на окаменевшую смолу или шлак.

Мы вышли в ещё одно помещение, и Влад замер, резко подняв руку, призывая к тишине. Звук был едва уловим — низкое, размеренное гудение, исходившее из-под пола. Сам зал был пуст, если не считать нескольких разбитых форм для отливки, но в его дальнем конце зиял провал, из которого слабо струился тот самый бледный, серо-голубой дымок. Он не поднимался к потолку, а стелился по полу, медленно растворяясь в воздухе.

- Источник, — беззвучно прошептал Макс, приближаясь к краю. Мы последовали за ним, затаив дыхание. Внизу, на глубине нескольких метров, пульсировало слабое багровое сияние. Это была не печь. Это нечто вроде котла или реактора, сложенная из темных керамических плит конструкция, в недрах которой что-то медленно тлело. Время от времени из конструкции вырывался сгусток того же дыма, и гудение на мгновение усиливалось. Вокруг котла, замершие в бездействии, стояли три металлические фигуры — дивы, идентичные тем, что мы видели

в цехе, но более массивные. Их единственные «глаза» были обращены к центру устройства, словно они наблюдали или ждали.

- Оно работает на низкой мощности. Поддерживающий режим, — сказала Мария, и в её голосе прозвучало нечто вроде холодного профессионального интереса. — Эти... стражи. Они не двигаются, пока процесс стабилен.

И тут я увидел причину нашего «везения». Одна из плит в основании конструкции была сдвинута. Рядом валялся обломок скальной породы — след недавнего, возможно, самого недавнего обвала. Через эту щель дым выходил на поверхность, поднимаясь по трещинам в скале, чтобы затем, подхваченный ветром, достигнуть поселения. Эпидемия была не атакой. Она была утечкой. Случайным пробуждением древнего механизма из-за сдвига пород. Лёгкий дымок, выходящий из трещины, обжигал глаза и оставлял горьковатый привкус на губах. От одного этого запаха начинала кружиться голова.

Это оно, — тихо произнесла Мария. — Источник заразы. Не кузница... а сердце. Оно всё ещё работает.

Мы смотрели на пульсирующее в глубине сияние, на стустки ядовитого тумана, которые лениво выползали из щели. Гудение было похоже на дыхание спящего великана.

- Утечка, — констатировал Влад, указывая на сдвинутую плиту и свежий обвал. — Земля сдвинулась. Разбудила это... и выпустила дым на волю.

Он был прав. Это не было нападением. Это была авария древнего, чужого механизма, последствия которой умирающие люди внизу, в долине, приняли за мор.

- Надо это остановить, — сказал Марк, сжимая в руке тот самый металлический шар с шипами. — Но как? Разрушить?

Мы молча обменялись взглядами. Разрушить? Этот «котел» мог взорваться, выбросив в атмосферу всё своё содержимое разом. А те три массивных стража у его подножия... они наверняка были не просто украшением.

- Может, не будить их дальше? — осторожно предложил я. — Может, всё, что нужно — это... заглушить утечку? Запечатать щель?

Мы спустились к самой конструкции, стараясь не приближаться к неподвижным стражам. Вблизи она казалась ещё более чужой и сложной. Температура от неё исходила едва ощутимая, сдержанная, как у спящего вулкана. Сдвинутая плита была массивной, из того же темного, почти чёрного керамического материала. Обломок скалы, вывалившийся из свода, лежал рядом.

Работали молча, понимая, что каждая лишняя вибрация может стать последней. Общими усилиями мы с трудом втащили осколок скалы обратно, стараясь максимально закрыть им зияющую щель. Потом, используя наши альпинистские молотки и лом, поддели сдвинутую плиту. Металл скрежетал, древние механизмы внутри стенок шипели, но медленно, сантиметр за сантиметром, плита начала возвращаться на место. Дым из щели стал редеть, превращаясь в тонкую струйку, а затем и вовсе иссяк. Гудение на мгновение участилось, будто в протесте, но затем вернулось к своему низкому, размеренному ритму. Багровое сияние в недрах реактора не погасло, но как будто затаилось, ушло глубже.

Мы отступили, заливая место стыка плиты со скалой всем, что было: смолой из сосновых веток, глиной из ручья, утрамбовывая её камнями. Получилась грубая, но, казалось, герметичная заплатка.

Это... всё? — выдохнула Маша, вытирая пот со лба. — Мы просто замуровали её обратно?»

- Мы запечатали рану, — сказал Влад, не сводя глаз со стражей. — Но сердце всё ещё бьётся. Оно спит, но не умерло.

Три металлические фигуры не шелохнулись. Их безликие «лица» по-прежнему были обращены к теперь уже скрытому источнику.

Обратный путь через лабиринт скалы мы проделали в полной тишине. Давление, висевшее над нами с момента входа, чуть ослабло, но не исчезло. Мы знали, что оставили за спиной. ...Спустя месяц.

Эпидемия в поселении пошла на спад так же внезапно, как и началась. Новых заболевших не было. Те, кто выжил, медленно, мучительно приходили в себя. Лихорадка отступала, язвы затягивались.

Местный знахарь, старик Ерофей, только качал седой головой, глядя на нас:

- Откуда пришло, туда и ушло. Не ваша это заслуга, ребята. Само рассосалось.

Мы не стали его переубеждать. Мы молча собрали вещи и покинули долину, когда первые снега начали серебрить вершины Урала.

Легенду о дивных людях мы записали в отчет. О спящем сердце в скале. О кузнице, что ковала не железо, а тихую, металлическую смерть. И о том, как случайный обвал едва не разбудил её вновь.

Мы не победили мор. Мы не усыпили дивов. Они и так спали. Мы лишь заткнули дыру в древней, чужой плотине, через которую яд начал сочиться в наш мир. И теперь мы знали. Знали, что где-то высоко в горах, за гладкой, неестественной скалой, стоит ряд за рядом армия молчаливых, одноглазых кузнецов из металла и тьмы. И бьётся их холодное, багровое сердце, ожидая следующего толчка, следующей трещины в камне, чтобы снова выпустить свой безликий дым на спящие внизу долины. И каждый раз, когда с гор дует странный, горьковатый ветер, или в поселениях у подножья Урала зашепчутся о новой лихорадке, мы с товарищами переглядываемся. И в тишине между нами повисает один и тот же, не озвученный вопрос: «Надолго ли?»

Мы запечатали утечку. Но мы не разрушили источник. Мы лишь отложили разговор с теми, кто живёт на краю света и чьи кузницы работают в ритме, непостижимом для человеческого сердца.

Глава 11 Письмо Деи.

Здравствуй, Ивор.

Пишу больше для себя, чтобы не взорваться от этой тишины. Тут тихо так, что в ушах звенит. Или это просто снег за окном так шумит, заваливает все дороги. Чтобы никто не приехал и никто не уехал.

В школе все то же. Арина Владимировна уже просто вздыхает, глядя на мои зелья. Не ругается даже. Говорит, у меня «талант» превращать эликсир силы в средство для мытья полов. Может, в дворники пойти? Тоже нужная профессия. Мести улицы, смотреть, как другие спешат по своим важным делам. Впрочем, я уже почти привыкла быть фоном.

Русалочье озеро сковало льдом. Толстым, синим, мертвым. Иногда стучу по нему каблучком — просто чтобы был звук. Никто не выныривает. Никогда не выныривал. Наверное, мне все-таки тогда померещилось. Или она, та девочка с мокрыми волосами, тоже испугалась и уплыла навсегда. Как все.

Я бросила ходить по канату. Верёвка порвалась сама собой, никто не заметил и не предложил новую. Да и незачем. Цирк — это глупость. Глупая детская сказка про то, что где-то тебя ждут. Никто никого не ждёт, Ивор. Все просто смотрят представление, хлопают, а потом расходятся по домам. А артист убирает свой канат. Зато я теперь отлично бросаю ножи. Прямо в мишень. Метко. Это на «защите без оружия» нас учат. Учусь я хорошо. Потому что когда в руке холодная рукоять, а перед глазами цель, то не думаешь ни о чем. Не думаешь о том, что все уже разбилось на пары для финального проекта, а тебя взяли в команду только потому, что был нечетный номер. Не думаешь о том, как они перешептываются за спиной, глядя на мои руки, которые так и не научились как следует сжимать рукоять меча.

Легенды о Смородине и Калиновом мосту оказались живучи, как сорняк. Все знают. Все помнят. Никто не говорит вслух, но взгляды... взгляды говорят громче слов.

Иногда я выхожу за пределы школы, в лес. Просто иду. Снег хрустит так громко, будто я нарушаю чей-то покой. Может, так и есть. Может, этот мир спал бы спокойнее, если бы я осталась по ту сторону реки.

Не отвечай, если не хочешь. Я уже не жду. Просто... если вдруг ты всё же вспомнишь, что есть такая Дея, которая когда-то хотела стать акробатом, можешь прислать открытку. Любую. Я её на стену приколю. Рядом с рисунком того, как мы с тобой сражаемся со злыми мальчишками. Он у меня до сих пор висит. Выцвел уже.

Береги себя. Хотя ты и так умеешь.

Дея. (Та, что уже не верит в леденцы, но все еще не умеет ныть вслух.)

Глава 12 Перекресток.

Телефон завибрировал на тумбочке ровно в 4:17 утра.

Ивор не открывал глаз. Он и так знал, что это за звук. Другие мелодии в это время суток не играли.

— Ммм... ты уходишь? — сонный голос из-под одеяла принадлежал девушке, чье имя он вспомнит примерно через минуту. Может, через две.

— Работа, — коротко бросил Ивор, нащупывая брюки.

— Охотник на монстров? — она приподнялась на локте, и в тусклом свете уличных фонарей он разглядел, что волосы у нее рыжие. Или каштановые. Врут все эти лампочки.

— Нет, — он застегнул ремень, — депутат Государственной Думы. С сахарным диабетом. Девушка хихикнула, решив, что это шутка.

Ивор не шутил.

Особняк Прохоровых находился в элитном поселке на Рублевке. Охрана на въезде проверила документы дважды, третий раз им занялся начальник службы безопасности с лицом человека, который привык решать проблемы, а не создавать их.

— Вы из... этой конторы? — уточнил он, разглядывая Ивора так, будто тот мог стащить столовое серебро силой мысли.

— Из другой, — Ивор показал удостоверение, где значилось «Министерство секретных дел».

Внутри особняк напоминал музей современного искусства, который внезапно решил стать гостиницей для миллиардеров. Мраморный пол, стены цвета слоновой кости, хрустальная люстра размером с небольшую машину. И все это освещено так ярко, словно здесь готовились к хирургической операции.

Марк стоял в центре гостиной с планшетом в руках и видом человека, который не спит третьи сутки. Или, что для Марка одно и то же, — спит, но во сне решает дифференциальные уравнения.

— Опаздываешь, — констатировал он, не поднимая глаз.

— Я был занят.

— Судя по пятну от губной помады на воротнике — да. Ивор, ты взрослый мужчина, мог бы научиться проверять одежду перед выходом.

Ивор провел рукой по воротнику. Ничего там не было.

— Блефуешь.

— Проверяю рефлексы, — наконец Марк поднял голову. За стеклами очков глаза устало прищурились. — Состояние удовлетворительное.

— Где Влад?

— С Машей.

— Он всегда с Машей. Я спрашиваю, где они физически.

Марк кивнул в сторону лестницы:

— Осматривают второй этаж. Влад пытается найти логическое объяснение гарному украинскому запаху серы, Маша фиксирует показание приборов.

— Да, интересный у них медовый месяц, — усмехнулся Ивор.

Судя по описанию, тело Ивана Дмитриевича Прохорова нашли в кабинете на втором этаже.

Он сидел в кресле. Прямо. Ровно. Руки сложены на коленях. Никаких следов борьбы. Выглядел он так, будто умер своей смертью. Очень спокойной. Очень своевременной.

— Вскрытие показало, — начал Марк, листая файлы, — остановка сердца. Никаких внешних повреждений, никаких токсинов в крови. Крепкий мужик был, шестьдесят два года. Вел здоровый образ жизни.

— И?

— И это невозможно. Такое сердце не останавливается просто так.

Ивор подошел к телу. Запах серы здесь чувствовался отчетливее. Едкий, химический, знакомый каждому, кто хоть раз переходил дорогу черту.

— Домочадцы?

— В гостиной. Вдова, двое детей, экономка.

— Дети взрослые?

— Сын — двадцать восемь, дочь — двадцать четыре. Оба живут отдельно. Приехали, когда узнали.

Ивор кивнул, разглядывая комнату. Книжный шкаф во всю стену. Стол красного дерева. Семейные фото в серебряных рамках. Ничего необычного. Кроме одного.

— Посмотри, — он указал на стол.

Там, среди бумаг и ручек, лежал ежедневник. Раскрытый на сегодняшней дате.

Крупным, уверенным почерком была написано:

«Спасибо за все»

— Он знал, — тихо сказал Марк. — Вопрос в том, откуда.

Гостиная встретила Ивора тяжелым молчанием и запахом успокоительного.

Вдова — женщина лет пятидесяти, с идеальным макияжем и лицом, которое не плакало, потому что ботокс мог треснуть — сидела на диване, сжимая в руках платок.

Сын стоял у камина. Высокий, спортивный, с челюстью, которую явно покупали за отдельные деньги.

Дочь — бледная, с красными глазами — прижимала к груди подушку.

— Соболезную, — начал Ивор профессиональным тоном, который за эти года натренировал до автоматизма. — Я понимаю, это тяжело. Нам нужно задать несколько вопросов.

— Вы уже спрашивали, — голос вдовы звучал сухо. — Полиция спрашивала. Ваши коллеги спрашивали. Сколько можно?

— Столько, сколько нужно, чтобы понять, как умер ваш муж, — Ивор присел напротив. — Расскажите про ежедневник.

— Что про него рассказывать? Иван вел записи. Всегда.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.